

ИСТОРИЯ И ПРАВДА НЕРАЗДЕЛИМЫ

СЛУЧИВШЕЕСЯ в 30-е годы нашего столетия настолько чудовищно и трагично, что некоторым из молодых людей иногда даже трудно поверить в то, что происходило у той страшной эпохи. Ни одна прежняя политическая система не причинила человеку столько бед, каковой явилось отчуждение крестьян от земли. Под предлогом раскулачивания спецпереселенцев этапировали в Казахстан, где совершенно не было жилья, а лишь в просторных степях торчал колыхшек с табличкой, где должен был строиться будущий поселок для обезденных людей.

Предшественником села, в котором я родился, был хутор Отруб. Так назывались участки общинной земли, выделявшиеся в собственность крестьянина для организации хозяйства. Хуторам с каждым годом становилось все теснее. Пришлось подыскивать новое место,

честное песнопение. К тридцатым годам церковь закрыли, с колоколен сбросили колокола. И сегодня в моих ушах стоит тяжелый вздох от главного колокола, сброшенного с неба». Он тяжело обрушился на землю, ударившись всей мощью, глухо, словно живое существо, простонал.

Так по всей стране началось отлучение человека от главного, что было и должно быть в нем: духовной красоты, нравственности, веры, доброты.

Родился я накануне двадцатого года, когда над миром еще пылали пламя гражданской войны. Кружили вихри грозových лет за утверждение Советской власти. И вот что удивительно: в детстве у меня и у многих моих сверстников не менялся духа к военным играм. Любимой игрой для нас, пацанов, была малаянка отцовского кулака. Изготавливали различные поделки для

тять, окрыленные первыми успехами, всенародно дарили подарки сдатчика. С особым чувством жу прошедую он выпинал, дойдя до Колосова-старшего. Пожилая ему руку, сказал:

— Вот так надо поступать, как чапаевец, середняк Иван Игнатьевич. Двадцать пудов отвалил.

Постепенно гайки закручивались все крепче. Пресс насилился плотнее и плотнее приближал ноженочерговцев. Первый пострадал братишка, участник революционных событий Курмышин, награжденный орденом Красного Знамени. Не за богатство по кулачки его. Уж слишком допекал хапуг своими короткими, но зажимающими и справедливыми речами. В начале февраля Курмышина арестовали. С подворья свели последнюю коровенку и лошадей, отобраны солдатские обозначения и ордена, жену троих детейшек оставили, как говорится,

арестовать Андрея Заречного, а на его место назначили провинного сына боевого активиста Василия Дехтяря. Переполненное большое помещение взорвалось негодующим гулом.

Двое суток днем и ночью у тех, кто по списку подлежал раскулачиванию, отобранное зерно, вещи, продукты свозились в большой деревянный амбар; братьев Колосовых, Слюсарева, Федорченко, всего десять или одиннадцать мужиков, арестовали и посадили в холодную камеру. К арестованным не пускали, передачу не принимали. Давали в сутки кусок хлеба да кружку холодной воды.

На седьмые сутки, ночью, их отравили в места отдаленные. Возрожденное дехтярское самоуправление, используя власть, всячески издевалась над женой и детьми раскулаченных.

Вместе с отцами были арестованы их старшие сы-

кулаков, подкулачников и прочих элементов были проведены. Какой был урожай, не знаю. Меня увезли в Казахстан.

Районный центр — станция Озники — встретил паровозными гудками. На привокзальной площади разместилось временное пристанище спецпереселенцев. Большинство женщин с детьми пристроилось под открытым небом. У них не было ничего для того, чтобы прикрыть детишек от непогоды. Некоторые здесь жили по пять, семь и более семей. Детишки умерли голодными голосами, матери, прижимая к груди малюток, утирают горькие слезы. Но тогда меня особенно беспокоило собственное горе. Двенадцатилетнего мальчика мучил колитный желудок. Он знал, что «дома» в запасе нет даже заваленной корочки хлеба. Был, правда, мешок сухарей и гуда овсянка. Соседи собрались в товарищеской, да отняли лишние конвоиры.

Примерно на десятые сут-

Строительного материала для возведения стен было предостаточно, а вся страна поросшая ковылем и пыреем.

К зиме готовились все. Для ускорения местных властей использовали силу, наказания. Но ни одна из этих мер не давала желаемого результата. Многие переселенцы выдохлись, от недоедания умирали. Видя безвыходное положение, власти стали отходить от этих трех «стимулов» и заменить их дополнительными «хлебным пайком в двести граммов за каждые отработанные два часа в нерабочее время».

Работа, пусть и изнурительная, в таких условиях не пугала людей. Оно, «кулачье», в большинстве своем трудилось до седьмого пота и в местах обетованных.

Несмотря на все трудности, к зиме вырос большой поселок, а несколько отъехав от этих трех «стимулов» и тот исторический факт, что с 1931 года Карагандинская область была местом ссылки десятков тысяч людей.

Из сельских районов наибольшее число спецпереселенцев принял Осакаровский. На его территории были построены поселки: третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, десятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый. Кроме того, в том же районе, но в другом месте, построили поселки: Литвиновский, Центральные, Пинерское, Октябрьское, Колхозное, Приишимское, Коллективное, Трудовое.

Много пережили переселенцы. В первую же зиму голодный паек ощущался в каждой семье. К нему добавились морозы, снежные метели, пронизывающие до костей суровые ветры Центральной Азии. Была одна беда. Угря на суку выдалась очень мало, и делами его по семьям небольшим столовыми чашками. У печки выстраивалась очередь. Чтобы что-то сварить, требовался уйма времени. А дети просили есть. Поэтому нередко костры разводили прямо в жилище помещенных. Этим одиозным не ррешалась же проблема: сокращалось время на приготовление обеда и хоть малость прогрелась холодный угол.

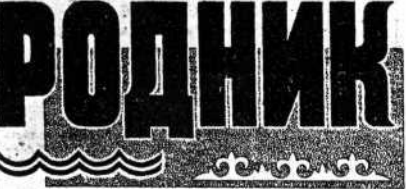
От постоянного недоодеяния и холода вспыхнул тиф. Умерших не успевали хоронить, в лучших случаях их зарывали в снежные сугробы.

Старал от неизмеримо высокой температуры и я. Что-то выкрикивал, гогорил. Дарья Сергеевна, моя мать, не отходила от меня ни на шаг, изредка улавливая смысл отдаленных слов: «Мама, мамочка, вытати меня из костра».

С наступлением весны открылась кошмарная картина, которую скрывала от человеческих глаз снежная и метельная зима. Оставшиеся в живых, что только мог, убирали трупы умерших и хоронили на кладбище на берегу Ишимга, где теперь в нескольких метрах расположено Центральный сельскохозяйственный завод.

Сколько же тех, кого называли кулаками, а следовательно, и врагами народа, осталось в живых после той зимы? Третья, четвертая, а возможно и пятая часть? Никаких документов по учету умерших не сохранилось. Прошедшие годы как-то сгладили человека, снесла горе, смягчила невесомую тягучую и беспощадно суровую трагедию. Но память жива.

Виктор Иванович В. И. КОЛОСОВ,
спецпереселенец, жертва массового изгнания из деревни в степь.

где можно было бы развернуть.

Получив свободу, малоземельные крестьяне из западной губернии устремились в те регионы страны, которые изолировали так, называемой «гуляющей» землей. Моей семьей, снявшись с родных мест на Черниговщине, подались в далекий путь. Среди искателей счастья был мой дедушка Игнат и будущий отец — малолетний Иванко.

Со временем облюбовали участки в пяти — шести верстах от хутора. Потихоньку, не спеша, босяк, как бы не промагнуться, один за другим потянулись туда мужики. Устраивались основательно, на долгие годы. Кое-кто ставил дом, по тем временам на широкою ногу, с просторными надворными постройками, летними кухнями из самана. Мой дед Игнат, по рассказам отца, соорудил саманную избу с плоской крышей. В той хате я и родился.

Разрастающееся село двумя рядами вытянулось вдоль реки. Огороды вплотную подступали к берегу большого озера. Весной здесь, гонимые волнами водоплавающих птиц, зимой мужики ставили петли и калканы на зайцев и лисиц. Из ружей палили только по волкам.

Потом пришло время дачия выросшему селу. Собрали сельский сход. Судачили долго, вывели и было отчего. Соседние села носили довольно странные наименования: Пузаны, Сивустны, Краюшка, Татарстан, Солтан. В конце концов сошлись на Новой Черниговке. В этих словах сохранилась память первоотходцев о далекой родине.

За оклицей села возвышался курган. По рассказам старожилых, в наших местах в годы гражданской войны часто бывали сватки зеленых и синих, красных и белых. Каких только названий не было. Все за народную, а практически за свою власть. Победу одержали красные. Так и вырос этот курган над братской могилкой.

В самом центре села стояла церковь — высокая, многоглавая и красивая, обнесенная добротной дубовой изгородью. К центральному входу в церковь вели две дорожки, выходящие от вышесказанных названий. Не было поя, и псаломщика. Любили мы, пацаны, забираться на клирос — место, где размещался церковный хор, и слушать их протяжное и вели-

дома и себя. Здесь всегда в горне горел огонь, не умолкая перазов металла и молота. Всякий день здесь былолюдно и весело. Один приходили, чтобы поделиться новостями, радостями и печальями, или просто поговорить, выкурить «козью ножку», другие — что-то сделать, отгормонировать. Разгосорили мужики, грустно запали в детскую душу. Очевидно, поэтому с малых лет я много познал, разбирался в событиях тогдашней жизни, ранние времена выросл.

Мои родители Бога особенно не почитали. В церковь ходили приличия. В доме была одна единственная, скромной поделки икона. Нам, детям, на практическом деле прививали любовь к земле, крестьянскому труду. В том, что я, мои братья и сестры не стали настоящими крестьянами, не моя и не их вина...

Наступил трагический период первый год, взбуждающий ноженочерговцев. Село наименовали ишающийся муравейник. Тихая, размеренная жизнь ушла в прошлое. Никто не знал, чем заняться сегодня, завтра. Люди замкнулись, стали неузнаваемыми, не хотели приветствовать друг друга, куда-то исчезла душевная теплота, доброе Взаимное пожатие руки. Головные уборы словно приросли к волосам. В жизнь ворвалось что-то грубое, неслыханное. Дехтярь и его комитет бедноты. Его возглавил местный житель Василий Дехтярь — пьяница, хапуга и несуетный лентяй.

Началось объединение одинолических крестьянских дворов в коллективное хозяйство. Мужики оштенчили, и было отчего. Они видели, во что были превращены добротные хозяйства сбывавших, а по сути самораскладываясь. Со Мыган, Антоши и Утлогова. Дехтярь и его компания растащили все оставшееся по своим дворам. Обжитые усадьбы превратили в развалины. От мельницы осталось пепелище. И все это оправдывалось призывом: «Кулака и кулакское отродье выкорчевать с корнем».

В колхоз вступило не более пятнадцати дворов. Иван Игнатьевич Колосов отправил на колхозный двор, который организовали на усадьбе его родного брата Кирилла Игнатьевича, корову, лошадей, овец быков. Вскоре объявили добровольную сдачу зерна. На призыв ядра активиста кое-кто откликнулся. Дех-

КАК ОТЧУЖДАЛИ КРЕСТЬЯН ОТ ЗЕМЛИ

Из воспоминаний

в без мать родила. В двадцатые действия Дехтяря забунтовали крестьяне. Они направили посыльных в район. Вернулись с Курмышиным и двумя ополченцами. Народ собрался на церковной площади. Один из ополченческих выступил с речью. Тут же пострадавшая семья вернули все, что сохранилось. Недостоящее коллективизировали. Дехтярь медленно и неохотно вытиснул из своего кармана орден и передал его в руки Курмышину.

Битва за этого человека в Новой Черниговке взбудоражила народ, он стал организатором. Председателем колхоза избрали толкового, вежливого и требовательного, хорошо разбирающегося в человеческой психологии Андрея Заречного. Препежее жора активиста распустили. Его заменило правление колхоза. Скот и сельхозинвентарь в разумных размерах обобщили. Двоих самых мышленных парней отправили в райцентр на курсы трактористов. Тем временем начали готовиться к первым колхозным полевым работам, хорошо разбирался в этом. В один из теплых весенних дней за оклицей села посылались гул мотора. Пацаны, игравшая в нашем дворе, рванулась навстречу машинному гулу, громко крича:

— Едут, вот они!
На улице высипали и стар, и мал. На трактористах были кожаные куртки, брюки и такие же фуражки. Петр сидел за баранкой, Павел — на крыле заднего колеса, одной рукой придерживался за него, а другой отчаянно размахивал. Возле кабины Колосовский трактор остановился.

... За несколько дней до наступления 1931 года в село Новая Черниговка верхом на лошадей приискало пять солдатиков. Одеты в военную форму. Солдаты подумали, что приехал сын Кирилла Игнатьевича — Иван, который в то время служил в Красной Армии командиром эскадрона. Но это были другие люди — ополченцы из райцентра. В народном доме собрался сельский сход. Рослый и холмный, видимо, старший группы, спокойно и четко провозгласил свое слово, говорил о том, что Заречный превратил колхоз в кулацкое гнездо. В нем засели ярые враги Советской власти и народа, саботируют коллективизацию крестьян. Уполномоченный сказал:

— На основании вышеизложенного даю указание арестовать Андрея Заречного, а на его место назначить провинного сына боевого активиста Василия Дехтяря. Переполненное большое помещение взорвалось негодующим гулом.

Двое суток днем и ночью у тех, кто по списку подлежал раскулачиванию, отобранное зерно, вещи, продукты свозились в большой деревянный амбар; братьев Колосовых, Слюсарева, Федорченко, всего десять или одиннадцать мужиков, арестовали и посадили в холодную камеру. К арестованным не пускали, передачу не принимали. Давали в сутки кусок хлеба да кружку холодной воды.

На седьмые сутки, ночью, их отравили в места отдаленные. Возрожденное дехтярское самоуправление, используя власть, всячески издевалась над женой и детьми раскулаченных.

Вместе с отцами были арестованы их старшие сы-

кулаков, подкулачников и прочих элементов были проведены. Какой был урожай, не знаю. Меня увезли в Казахстан.

Районный центр — станция Озники — встретил паровозными гудками. На привокзальной площади разместилось временное пристанище спецпереселенцев. Большинство женщин с детьми пристроилось под открытым небом. У них не было ничего для того, чтобы прикрыть детишек от непогоды. Некоторые здесь жили по пять, семь и более семей. Детишки умерли голодными голосами, матери, прижимая к груди малюток, утирают горькие слезы. Но тогда меня особенно беспокоило собственное горе. Двенадцатилетнего мальчика мучил колитный желудок. Он знал, что «дома» в запасе нет даже заваленной корочки хлеба. Был, правда, мешок сухарей и гуда овсянка. Соседи собрались в товарищеской, да отняли лишние конвоиры.

Примерно на десятые сут-

Строительного материала для возведения стен было предостаточно, а вся страна поросшая ковылем и пыреем.

К зиме готовились все. Для ускорения местных властей использовали силу, наказания. Но ни одна из этих мер не давала желаемого результата. Многие переселенцы выдохлись, от недоедания умирали. Видя безвыходное положение, власти стали отходить от этих трех «стимулов» и заменить их дополнительными «хлебным пайком в двести граммов за каждые отработанные два часа в нерабочее время».

Несмотря на все трудности, к зиме вырос большой поселок, а несколько отъехав от этих трех «стимулов» и тот исторический факт, что с 1931 года Карагандинская область была местом ссылки десятков тысяч людей.

Из сельских районов наибольшее число спецпереселенцев принял Осакаровский. На его территории были построены поселки: третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, десятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый. Кроме того, в том же районе, но в другом месте, построили поселки: Литвиновский, Центральные, Пинерское, Октябрьское, Колхозное, Приишимское, Коллективное, Трудовое.

Много пережили переселенцы. В первую же зиму голодный паек ощущался в каждой семье. К нему добавились морозы, снежные метели, пронизывающие до костей суровые ветры Центральной Азии. Была одна беда. Угря на суку выдалась очень мало, и делами его по семьям небольшим столовыми чашками. У печки выстраивалась очередь. Чтобы что-то сварить, требовался уйма времени. А дети просили есть. Поэтому нередко костры разводили прямо в жилище помещенных. Этим одиозным не ррешалась же проблема: сокращалось время на приготовление обеда и хоть малость прогрелась холодный угол.

От постоянного недоодеяния и холода вспыхнул тиф. Умерших не успевали хоронить, в лучших случаях их зарывали в снежные сугробы.

Старал от неизмеримо высокой температуры и я. Что-то выкрикивал, гогорил. Дарья Сергеевна, моя мать, не отходила от меня ни на шаг, изредка улавливая смысл отдаленных слов: «Мама, мамочка, вытати меня из костра».

С наступлением весны открылась кошмарная картина, которую скрывала от человеческих глаз снежная и метельная зима. Оставшиеся в живых, что только мог, убирали трупы умерших и хоронили на кладбище на берегу Ишимга, где теперь в нескольких метрах расположено Центральный сельскохозяйственный завод.

Сколько же тех, кого называли кулаками, а следовательно, и врагами народа, осталось в живых после той зимы? Третья, четвертая, а возможно и пятая часть? Никаких документов по учету умерших не сохранилось. Прошедшие годы как-то сгладили человека, снесла горе, смягчила невесомую тягучую и беспощадно суровую трагедию. Но память жива.

Виктор Иванович В. И. КОЛОСОВ,
спецпереселенец, жертва массового изгнания из деревни в степь.